

Марина Туровская

Элитное подземелье

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164694
Элитное подземелье: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26203-8

Аннотация

После внезапной тетиной смерти Насте досталось огромное богатство: роскошная квартира, антиквариат, картины, драгоценности, счета в банке, машина, собачка по кличке Стерва. Как и проблемы, которые тут же посыпались на голову богатой наследницы... Одни неизвестные забираются к ней в дом, другие их пытаются убить, третьи – поймать и тех, и этих. Настей вертят, как безвольной куклой. А ведь она успела влюбиться – и, кажется, взаимно! Хотя... Похоже, любимый обманывает ее – или чего-то недоговаривает. А вскоре и вообще бросается в бега. Но ничего, Настя обязательно его догонит – только вот разберется с остальными своими проблемами...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Туровская

Элитное подземелье

Глава 1

Семья моя

Умерла моя тетя. От передозировки. То есть к этому все и шло, слишком бомондскую, и одновременно богемную, жизнь она вела.

Тетя Катя в свои сорок лет выглядела на двадцать восемь. Невысокая, хрупкая, с большими сиреневыми глазами, с бровями и овалом лица киногероинь начала двадцатого века, модная художница, она почти всегда носила воздушные шелковые одеяния и тяжелые золотые браслеты на тонких руках.

Считалось, что она полностью там, в искусстве. При одном виде Катерины удачливые мужчины втягивали животы и доставали пухлые портмоне, желая облегчить жизнь этой нежной бабочке с мечтательным взглядом.

Пейзажи тети Кати шли в салонах и вернисажах «на ура». Тетя рассеянно брала деньги за свои прозрачные картины. Казалось, она даже не знает, сколько ей дали денег и за что. Вот все это было сплошным, досконально и творчески продуманным обманом.

Тетя Катя имела постоянного богатого любовника, идеальную по планировке и дизайну квартиру и счета в трех банках. Дачей ее был особняк, обставленный антиквариатом, а заработанные деньги она аккуратно пересчитывала, записывая получившуюся цифру в специальный реестр.

Я это знала. Я была ее любимой игрушкой. Меня она не стеснялась, говорила все как есть, хотя следовать ее путем никогда не советовала. У нас было абсолютное взаимопонимание.

Только с наркотиками оказалось сложнее. Когда ее «припирило» или точно было известно, что сейчас привезут дозу, тетя Катя выгоняла меня из своего дома. Еще учась в институте, я пару раз заставляла ее под сильным кайфом, и она, от щедрот своих, очень желала меня *угостить*. Ей хотелось поделиться своей радостью именно со мной, по ее мнению, ущербной.

Приходя в себя, она просила прощения, умоляла не говорить о случившемся моему отцу и никогда не поддаваться ни на чьи уговоры попробовать наркотики. Это было совсем не трудно, я далеко не самый тусовочный человек, да и не так часто меня куда-либо приглашают или чем-то угощают.

Родственников у тети Кати было двое – мой отец, то есть ее старший брат, и я, любимая единственная племянница.

Мою маму Катя за личность не считала. Мама платила Кате тем же. «Принцесса в горохе» называла она ее, подразумевая и внешнее Катино эстетство, и твердость характера, а также звук и запах, получающиеся после употребления данного продукта. Но при известии о смерти Кати мама долго плакала, обзывая ее красивой идиоткой.

На отца было жалко смотреть. Я даже переехала к нему на два дня. Он бродил по квартире, натываясь на предметы, пытался организовать похороны и платил столько, сколько спросят, хотя необходимо было торговаться – денег, как всегда, было в обрез.

Нам помогали. Приехал Григорий, официальный любовник Кати, и человек пять мужчин художественного вида. Они или морщили лбы под бритыми черепами, или краси-

выми жестами откидывали длинные волосы. При этом были искренно расстроены и давали деньги.

Григорий во время похорон явно присматривал за гостями и нами – боялся за сохранность ценностей в квартире. Папа, в свою очередь, найдя ключ от сейфа, отдал его мне.

Мама суежилась с организацией застолья. Ей хотелось показать отцу, что она ему необходима. Отец смотрел пустыми глазами. Он пока не был готов вернуться к маме.

Я единственная дочь у своих родителей. Они настолько разные люди, что их неровные края особенностей характеров сошлись и срослись. Развод, произошедший семь лет назад, рвал по живому.

Отец, как и Катерина, очень красив. Моя мама увидела его в первый день занятий на первом курсе Инженерно-строительного института. И весь первый год ходила за ним с открытым ртом.

Мама напрашивалась к однокурсникам на вечеринки и дни рождения, «случайно» натыкалась на него три раза в день в институтских коридорах. Ей нравилось все, что он делал – как сидел на лекциях, читал, ел, объяснял ей сопротивление материалов, собирал картошку в студенческом отряде, даже как ругался с нею.

Сама мама коренастая, плотная, нос картофелиной, пальцы короткие. Как она уговорила папу переспать с собой – не знаю. А уж когда они объявили родственникам и знакомым о близкой свадьбе, ответная реакция, особенно в институте, была настолько сильной, что мама опасалась есть в студенческой столовой. А вдруг отравят?

Мама родом из Твери. Она отхватила самого красивого в институте парня, умницу, москвича с большой квартирой. Тогда еще были живы мои бабушка с дедушкой по отцовской линии. К появлению мамы они отнеслись философски и с радостью переложили на нее домашние хлопоты, переехав жить на дачу.

Дача строилась на тот момент лет десять, и достроила ее только Катерина. Я еще застала бабушку с дедушкой, которые не считали, что их дети исключительно красивы. Самым красивым существом на свете они считали меня.

Катерина с самого начала не желала мириться с присутствием моей мамы. Она не разрешала ей дотрагиваться до своих полотенец, отдельно клала чашку, вилку, ложку, семь тарелок и губку для мытья посуды. Через полгода Катя разделила комнаты, коридор и кухню мелом на две части и запретила матери заходить за линию.

Мама терпела долго, но, родив меня, получила диплом, собрала вещи и уехала в Тверь. Отец рванул за мамой, которую, по-моему, любит до сих пор. Папины родители очень огорчились, узнав о Катинем домашнем терроризме. Не найдя поддержки у родственников, Катя позвонила в Тверь и попросила прощения.

Катя не любила маму потому, что любила брата, потому, что ни одна женщина, по ее мнению, не была достойна его... Но таково мнение большинства матерей в отношении своих сыновей и любящих сестер в отношении своих братьев.

Мама вернулась через два месяца. Квартиру к тому времени разменяли. Трехкомнатная красавица с потолками под четыре метра разменялась на два недоразумения – одно- и двухкомнатную хрущевки. Папины родители махнули рукой на семейные раздоры своих детей и переехали на дачу окончательно, достроив к тому времени камин и половину второго этажа.

Бабушка с дедушкой не дожили полгода до моего пятилетия, умерли тихо и достойно, с разницей в два месяца.

На следующий день после моего пятого дня рождения я, пока мама мыла посуду, а папа отлеживался в спальне, встала на подоконник и, походив по нему, прорвала марлю от комаров и выпала в окно со второго этажа. Это был второй этаж панельного стандартного

дома, и насмерть я не разбилась. Но левая нога сломалась в двух местах, в том числе и в колене.

У детей все заживает быстрее и качественнее. У меня срослось неправильно. Сделали две операции – не помогло.

В семь и девять лет сделали еще несколько операций. Стало немного лучше, но я осталась хромой, с почти негнущимся коленом. И мама, и папа винили во всем только себя, оправдывая друг друга. Мне нравилось, что они не ругаются, выясняя, кто виноват.

Денег не хватало постоянно, хотя жили мы «как все». Мама сэкономила на электроэнергии, на своей парфюмерии и моем мороженом. Папа все время чинил старый «жигуль», не надеясь заменить его на новый автомобиль.

В светливо-криминальные годы перестройки мама начала делать карьеру в своем строительном управлении и... загуляла. Завела роман с высоким начальником из министерства. Начальник через полгода плюнул на маму со своего высокого поста и продолжал жить с толстой и крикливой женой, а мама осталась без мужа.

Отец не смог простить измены с неинтересным, непорядочным человеком. Катя пустила брата жить к себе и смеялась над ним в голос, не стесняясь меня.

Я оканчивала школу и очень хотела пойти работать в банк или в библиотеку, но Катя заставила меня поступить в Инженерно-строительный институт, по стопам родителей. Катя сразу оплатила первый курс, отрезая мне пути к отступлению.

Я начала учиться в МИСИ, Катя тем временем окончила Строгановку. Училась она лет семь или восемь. Сумела за это время не только переспать почти со всеми сокурсниками и преподавателями, но и взять в банке приличную ссуду и приобрести в длительную аренду помещение, переделав его в художественную галерею.

Так начинался Катин финансовый взлет. У народа после развала Союза появились деньги, и они вкладывали их во все, что продавалось. Стало модно вешать на стены картины. Иностранцы приобретали абстракцию, наши люди чаще всего хотели видеть в доме добротные произведения в стиле «реализм». Катя сказала: «Вам хочется картин... Их есть у меня».

Она поставила производство картин на поток. Брала фотографии или видовые открытки, списывала пейзаж и втискивала в него деревянную разрушенную церковь или старый домик с сиренью и мокрым бельем на провисших веревках. Основную композицию делали Катины однокурсники. Собачек, кошек или косяки перелетных птиц рисовал папа. Иногда ему доверялись дома и церкви.

Тогда-то Катя выработала свой имидж материально обеспеченной беззащитности. А потом она встретила Григория, и он купил ей квартиру. Однокомнатную «хрущобу» Катя презентовала брату.

Затем начался строительный бум, и папа, прекратив свою художественную деятельность, опять пошел работать прорабом на стройку, пугая приезжающие комиссии своим аристократическим видом, отменными манерами и речью без привычных непереводимых идиоматических выражений.

Катя продолжала руководить рисовальным процессом, выдавая в месяц по два десятка «произведений».

Папа у Кати денег просить не мог. Мама у нее просто не взяла бы, а я постоянно ныла, выпрашивая то десятку, то сотню долларов на новое платье. Катя была патологически жадной, но мне она деньги давала исходя из своего комплекса полноценности – перед моим неполноценности.

Мне повезло, у нас с Катей один размер ноги, так что с обувкой у меня проблем не было. Для себя Катя покупала обувь еженедельно и иногда забывала, какие фасоны она уже приобрела. Конечно, высокий каблук для меня был заказан навсегда, но ботинки и кроссовки

я у тети конфисковывала не меньше двух раз в сезон. Телом я поплнее, и Катина одежда не сходилась на мне, даже если сильно вдохнуть и «держат талию».

Глава 2

Завещание

Так вот. Катя умерла. Я девять дней заходила в горестных рыданиях. Затем было обнаружено завещание.

При его оглашении, происходившем в роскошной квартире Кати, присутствовали папа с мамой, Григорий, дальний родственник, которого видели на похоронах родителей двадцать с лишним лет назад, и я – в качестве массовки.

Родственник, высокий мужчина с безвольным дворянским лицом и брюшком купца, дождался пункта: «Саше, моему двоюродному брату, достается часть дома в городе Муром, в строительство которого мои родители вложили деньги, а также любые три картины, написанные мной», – и потерял к происходящему интерес.

Папа надеялся получить дачу, не более того, и тихо читал газету в глубоком кресле. Мама сидела «для компании». Она знала Катину ко мне отношение и была полна решимости при том небольшом наследстве, что мне могло достаться, отстаивать наши интересы до победного конца.

Григорий покачивал ногой и вертел в руках зажигалку. Он был единственным курящим в собравшейся компании и смотрел на читающего завещание юриста скучающе уверенно.

Катя в завещании вспомнила какую-то тетю, осчастливив ее «вазой напольной, ручной работы» и еще своими тремя картинами.

Взрыв эмоций произошел через минуту.

При дальнейшем чтении оказалось, что дача, двухэтажная, с подземным гаражом, с участком и наземными постройками, досталась папе. А все остальное – мне. Все! Квартира, машина, картины, драгоценности и даже любимая собака, йоркширский терьер.

Моя мама при известии юриста замерла, вцепившись в сумочку. Папа поднял брови, отложил газету и опустил глаза.

На Григория было неприятно смотреть. Он уронил зажигалку и отвалил челюсть. Шепотом попросил перечитать последние два абзаца. Юрист, мужчина лет под шестьдесят, неизвестно откуда выкопанный Катериной, бесстрастно перечитал последнюю часть завещания. Там еще был пункт о банковских счетах. Они тоже были завещаны любимой племяннице.

Юрист привстал из-за тяжелого стола восемнадцатого века и протянул завещание мне. Мама его, естественно, перехватила. Правильно сделала: я не могла шевельнуть рукой и тупо рассматривала у своих ног узор ковра, который Катя привезла из Средней Азии.

Григорий протянул руку, промямлил:

– А как же... мое... юродивая наркоманка, шлюха...

Папа резко повернулся к нему, и Григорий перестал бормотать оскорбления в адрес покойной Кати. Он только прошипел слово – и я поняла, какое именно слово, по реакции собаки. Йоркширка приподняла мордочку, прислушиваясь к своему имени. Катя назвала ее Стервой.

Вот в этот день я перешла со слез печали на слезы печали и радости. Девять дней мы отметили вдвоем в Катиной, то есть теперь уже моей, квартире. Не хотелось делиться ни утихающим горем, ни подступившей радостью. Вечером родители разъехались по своим домам.

Конечно, мама не хотела уезжать и оставлять «несмышленную девочку» двадцати семи лет одну. Папа заставил маму уехать.

Я люблю маму, но жить с нею тяжело. Она слишком властная. К тому же две проходные комнаты в хрущевке не дают ощущения свободы. Я смирилась с нашей старой, неудобной квартирой, но к хорошему привыкаешь моментально, поэтому, как только родители уехали, я почувствовала, что Катина квартира моя. Моя! Несмотря на то, что здесь погибла любимая тетя.

Квартира роскошная. Две с половиной комнаты – в гостиной отделен аркой альков спальни, в ней стоит инкрустированная поделочными камнями кровать с водяным матрасом. Катя спала именно здесь. На стенах гостиной – великолепные картины русских художников начала века, мебель в стиле модерн. Вторая комната предназначалась для гостей, обставлена скромнее, но все равно роскошно.

Большая кухня-столовая с коллекцией разделочных досок по стенам – расписных, резных и фарфоровых, с современным гарнитуром и старинным буфетом девятнадцатого века.

Ванная комната с салатovým джакузи и зеленоватым гарнитуром под мрамор. Вещи, без которых можно прожить, даже не зная об их существовании, но, с другой стороны, необходимые вещи. Необходимые для того, чтобы почувствовать себя Женщиной и снять лишние комплексы.

Есть такая притча. Старик булочник спрашивает моряка, почему тот не боится каждый день отправляться в море, ведь в нем погиб его отец, его дед, его прадед. Моряк спрашивает булочника: «А где умер твой отец?» – «В кровати». – «А дед?» – «В кровати». – «А прадед?» – «В кровати». – «Так почему ты не боишься ложиться в нее?»

Вроде бы не очень похоже на мой случай, но, с другой стороны, в старых домах умирали один за другим дряхлые или, наоборот, молодые родственники, и никто по этому поводу дома не бросал. Значит, у меня теперь есть полноценная семейная наследственная квартира.

Я всегда мечтала иметь такую квартиру, такую собаку, такую машину, такую мебель, такие кольца и браслеты. Я была почти счастлива. Жаль только, что не было Кати.

Она была расчетлива и скупа, но она любила меня, а терять человека, любящего именно тебя, всегда очень тяжело, даже если ты не отвечаешь ему взаимностью. Но я Катю любила. И даже немного жалела. При всей ее красоте и деньгах чего-то в ней не хватало. Наверное, того, что есть в моем отце, – безоглядной порядочности.

На работе я написала заявление об отпуске за свой счет. На нашем комбинате, где я заведовала административно-хозяйственным отделом, горем прониклись и предложили написать заявление без конкретной даты выхода. То есть когда почувствую, что пора на работу, тогда и выйду.

Острого желания осчастливить своим появлением проходную Комбината железобетонных конструкций я пока не испытывала, поэтому занималась тем, что потихоньку перевозила в подаренную квартиру свои вещи от мамы и осваивала новый автомобиль.

Еще появилась особая забота – крохотная Стерва.

Через три дня двухразовых гуляний с собакой вокруг окрестных домов со мной стали здороваться молоденькие мамашки с малышами в колясках и старушки, считающие, что их ежедневные неспешные прогулки вернут им потерянное в течение жизни здоровье.

Особую касту составляли собачники. Часто можно было услышать, как они обсуждали ссору молодоженов – тех, у которых серый дог, или собрались на праздник к Ивановым – у них спаниелька, которую они считают элитной.

Собачники по утрам выбегали с четвероногими мучителями на несколько минут. Вечером они, наоборот, степенно выгуливали предмет своей гордости, здороваясь со знакомыми,

и подолгу сидели в сквере, обсуждая, в каком магазине собачье питание дешевле и где можно подороже продать щенков.

Два раза в день я здоровалась с огромной пожилой теткой, выгуливающей облезлое и перекормленное животное, смутно напоминавшее пуделя. Стерва и пудель были знакомы. После дежурного «здравствуйте» я сразу же прибавляла шаг, уходя в сторону. Мне казалось, что стоит остановиться на секунду, и тетка сразу же начнет жаловаться на погоду, политику и маленькую пенсию.

Особенную радость на прогулках при встрече с нами испытывали собаки. Стерва хороша тем, что рядом с ней любой из псов, даже самый плюгавый, чувствовал себя полноценным зверем. Рядом со мной тоже любой неудачник или пьянчужка мнит себя Казановой. Зря, я хоть и хромая, но считаю, что еще ничего... могу.

Глава 3

Уговорная квартира

Прошло две недели после похорон, и я решила сделать решающий заход – перевезти из маминой «хрущобы» книги и остатки вещей в свою квартиру.

Мама обиженно перевязывала пачки книг. До переезда она постоянно говорила, что жить вместе в таких условиях невозможно, а теперь второй день дулась на меня как мышь на крупу.

Стерва, кивая новой заколкой с синим бантиком, закрепленной на длинной челке, влезла в коробку и укусила коричневый, тисненый золотом том Аполлинера. Она получила шлепка по мохнатой попе и взвизгнула. Мама тут же взяла Стерву на руки, утешать... В дверь позвонили. Мама пошла открывать и вернулась с Григорием.

В Катиной квартире он смотрелся гармонично, но в нашей выглядел, как молодой премьер-министр из семьи потомственных миллионеров, навещающий землянки простых шахтеров. Григорий встал посередине комнаты, посмотрел на книжные полки, на стопу белья в углу дивана.

– Надо поговорить. Насчет квартиры.

Мама поставила Стерву на пол и плотно уселась в кресло, не собираясь его покидать. Григорий сделал полупоклон в ее сторону и присел на старый диван с залысинами.

– Я хочу купить у вас квартиру Кати, – сказал Григорий и выставил вперед указательный палец. – Между прочим, свою собственную. Я ее, если помнится, Кате подарил. Мне нравится район... и вообще, я привык туда ездить. Все остальное остается Насте. Я дам большую цену, вы сможете купить трехкомнатную, поменять вот эту халабуду на нормальную квартиру, и еще деньги останутся. Твоя мама, Анастасия, еще молодая, мало ли как жизнь обернется.

Я сидела на корточках около коробки с книгами. То есть одна нога была на корточках, а вторая, не сгибающаяся, отставлена в сторону.

– Миллион евро. Подумайте, сумма немаленькая. Перезвоню вечером.

Я шлепнулась на пол.

Григорий встал и вышел из нашей квартиры, оставив после себя запах дорогого одеколона, мокрые следы дорогих туфель на старом паласе и шлейф брезгливой ненависти.

Но миллион евро! Это не хухры-мухры.

Мама потеряла виски пухлыми пальцами.

– Надо позвонить отцу. Пусть он думает.

Отец скептически выслушал наши с мамой восторженные предположения по трате денег.

– Почему он собирается купить квартиру, которую сам однажды купил ей? Катя не захотела отдать ее ему. Не нравится мне это. Вы ему пока ответ не давайте, посмотрим, что получится.

Может, папа был и прав. Я лично оказалась в растерянности. Вообще-то я часто бываю в растерянности, но у меня есть родители, и они решают за меня все. Почти все – шампунь я покупаю сама.

Мама решила послушаться мужа и посоветовала мне сегодня отключить и в своей, и в Катиной квартире телефон, чтобы Григорий не смог уговорить меня получить деньги завтра же.

Пока я укладывала в темно-зеленый автомобиль ящики с вещами, мама позвонила папе и опять завела свою бесконечную песню об экономии. Она предложила нам обоим переехать в Катину квартиру, а хрущевку сдавать. Или, наоборот – сдавать Катину квартиру, за нее больше бы дали.

Папа выслушал маму, как всегда, спокойно, только уточнил:

– Нина, там обстановка тысяч на триста евро, не считая картин. Ты кого собралась туда пускать? – Мама нервно гладила Стерву и не отвечала. – Ты не сердись, но дай ребенку впервые в жизни пожить самостоятельно.

– Вот этого я и боюсь, – ответила мама.

Думаю, маме тяжело было смириться с тем, что дочь, всю жизнь просидевшая на шее родителей, внезапно стала обеспеченным человеком. А это действительно так. Даже когда мама устроила меня завхозом в заводоуправление, я ходила на работу не чаще недели в месяц и получала мизерную зарплату. И вдруг ни за что на меня свалилось наследство, да еще от Кати, которую мама не любила и не уважала.

В Катиной квартире я оставила все без изменений. Не с моим инженерно-строительным образованием менять то, что сделала женщина с великолепным художественным вкусом. Только сожгла коврик, на котором умерла Катя. Вынесла его на отгороженную помойку за домом и подожгла.

Как рассказал Аркадий, соратник тети по производству художественных ценностей, в тот злополучный вечер у Кати происходил очередной богемный сабантуйчик. Все здорово упились и обкурились, а Катя еще и вкололась. В два часа ночи Катя решила повторить дозу. Она ушла на кухню и, по врожденной жадности, вколола себе не дозу, а полторы. Или она забыла, что сегодня уже приняла норму, или по пьянке решила, что проскочит...

Когда после укола ей стало плохо, она смогла доползти из кухни до прихожей и вышедшему к ней Аркадию сказала: «Перебрала, дура». Вызвали «Скорую», но уже было поздно. «Скорая» вызвала милицию. С Катей остался только Аркадий. Остальные, откупившись от медиков, уехали домой.

В гостиной у Кати висели работы Гончаровой, Куприна, Лентулова и две неоконченные картины Петрова-Водкина. Своих картин Катя не любила, называла открытками.

Не знаю, почему одна картина висит над столом директора продовольственного магазина и стоит тысячу рублей, а другая радует глаз в музее и стоит в районе миллиона. У меня свой критерий: нравится – не нравится. Петров-Водкин мне нравится. Даже недорисованный.

Я с удовольствием ночевала одна в подаренной квартире, но сегодня настроение было такое... тревожное, что ли? Мне хотелось увидеть Милу, мою подругу, но она соглашалась приехать в гости вместе с воздыхателем Шуриком, – а точнее, с Шуриком, по которому вздыхала именно она. А Шурик, любитель шумных компаний, притащит за собой еще кого-нибудь. Ему стоит поддаться один раз, и приличные апартаменты превратятся в караван-сарай, не отмываемый никаким «кометом».

До часу ночи я смотрела телевизор, ела диетическое печенье и пила мартини. Мартини Катя затарила основательно, так что, при разумном использовании, запаса хватит до Нового года. А сейчас только сентябрь.

Стерва занималась любимым делом – стащила с моей ноги тапок и трепала его, рыча тенором. Наказывать Стерву было бесполезно. Размером она меньше стандартной кошки, а упрямства в ней на целого осла.

Сегодня я впервые решила спать не в гостиной, а в кровати Кати. Засунув под подушку записки со всеми известными мне мужскими именами, я прошептала:

– Сплю на новом месте, приснись жених невесте! – И легла на водяной матрас, обхвативший меня с трепетом и нежностью.

Утром в гости пришел Григорий. Коротко позвонив, он открыл дверь своим ключом. Автоматически, как у себя дома, повесил пальто в шкаф прихожей, поменял туфли на тапки, прошел в комнату и сел на диван. Опять крутил в руках зажигалку, на меня не смотрел, разговаривал сам с собой:

– Настя, есть отличное предложение. Двухкомнатная на пятом этаже, переезд оплачиваю я и даю двести тысяч в придачу. Позвони маме, посоветуйся.

Мне спросонья было не до общения с надменным Григорием, меня больше волновал вопрос «суженого», а для этого надо было достать из-под подушки записку с именем. При взрослом мужчине предаваться подобным детским забавам неудобно, но записку под подушкой я все-таки нащупала. Развернула...

Я что, вчера слишком спать хотела? Что это за имя – Сигизмунд? Совсем я себя не люблю, если смогла такое написать. Настроение упало. Григорий все бубнил о квартирах и деньгах, обсуждая вопрос переезда. Он решил, что обмен мы уже обговорили.

– Гриша, но меня больше всего устраивает первый этаж. Если лифт ломается, мне необходимо будет забираться по лестнице. Э-эй, Григорий! – Мне пришлось прищелкнуть пальцами, привлекая его внимание. – Не с моей ногой делать альпинистские восхождения.

Григорий взглянул в сторону алькова и заговорил тоном барина, объясняющего бес толковой дворовой девке алфавит:

– Настя, в тех домах, о которых я говорю, есть собственные подстанции, и лифты там не ломаются.

Ой, не нравился мне сегодня Григорий! Дергается, смотрит не на меня, в сторону. Врет. Но в чем врет?.. Мутный разговорчик получался. Гриша ведь хронический жмот. А тут такое...

Я тут же набрала мамин телефон:

– Алло, мам, ставки растут. Григорий предлагает квартиру и денег двести тысяч евро. Мама помолчала. Я слышала, как она барабанит пальцами по столу.

– Знаешь, Настя, мы сегодня с тобой к Илье приглашены, ему полковника дали, вот там и поговорим. Передавай Григорию привет и отсылай его... до завтра. Лучше всего надеть скромное черное или однотонное платье, все цацки сразу на себя не навешивай, а только самый дорогой бриллиантовый гарнитур...

– Хорошо. – Я отложила телефонную трубку, и Стерва лениво куснула ее. – Гриша, мама сказала, что мы завтра дадим ответ. Сегодня идем к дяде Илье, ему полковника дали, надо отметить.

– Завтра?

Григорий из всего разговора услышал только это слово. Он встал и ушел. Просто встал и без «до свидания» или «пока» ушел из квартиры, вытащив по пути пальто из шкафа. Совершенно на него не похоже. Или он всегда был показушно воспитанным, а я не замечала?

Хотя, если б у меня оттяпали купленную квартиру, я бы и улыбаться не смогла... А может, Катя бравировала перед знакомыми богатым любовником, а сама спонсировала поупку?.. Может быть. С Катей все могло быть.

Глава 4

Дядюшкино чинопразднование

Закрыв за Григорием дверь, вернее, обе стальные двери, я села перед трельяжем в спальне. Григорий не услышал, что мы сегодня идем поздравлять новоявленного полковника, ему это неважно, а вот для меня это событие из ряда вон выходящее.

В гостях у маминого двоюродного брата мы бываем раз в год, на его день рождения. К моей маме семья дяди Ильи относится хорошо, но меня к ним приглашают из жалости. Я не люблю ездить туда из-за Андрея, сына дяди Ильи и тети Маши. В детстве он мне постоянно хамил, а в последнее время разговаривал как с неизлечимо больной... умственно больной...

Теперь мама решила похвастаться наследством. И я ее понимаю. Мне тоже хочется показаться в платье за штуку евро, с бриллиантами в ушах и на руках. Да еще на новой перламутровой машине.

Я уже прикидывала, какое из Катиных платьев сможет на мне застегнуться и как будет смотреться кольцо из двадцати семи бриллиантов... Но Стерва кротко тявкнула и скосила вишневые глазки, призывая к сочувствию... Блин, надо ее выгулять, неизвестно, во сколько закончатся мои показательные выступления на дне рождения дяди.

Погода была так себе. Идти далеко с собакой не хотелось, и я, дождавшись, когда Стерва оросит газон с зеленой травой и желтыми листьями, собралась щелкнуть пальцами, давая команду «домой». Но моя поднятая рука замерла.

Правее, у высокой ограды, в кустах сирени, курил парень, рассматривая окна моего дома. Очень высокий, очень стройный, почти худой – то есть мой любимый размерчик...

Парень повернулся, и сердце мое екнуло. Не дай бог в такого влюбиться. Правда, глаза у него голубые, а я больше люблю темные, но такое дивное творение природы трудно испортить... И чего стоять и пялиться на него? Никогда на меня красавцы мужчины не обращали внимания... и, может быть, оно и к лучшему, голову терять не хочется. Нет! Хочется! Очень хочется! Но опасно. Для меня.

Щелчком пальцев я развернула Стерву, начавшую копать ямку, и мы благополучно вернулись в квартиру.

У дяди Ильи на меня всегда мало обращали внимания. Только тети Машина подруга, которая появлялась на каждом празднике с мужем-полковником, в этот раз сначала смотрела на мои кольца и кольцо со снисходительной брезгливостью, а потом, когда тетя, сминая свой необъемный бюст о ее плечо, прошептала что-то ей на ухо, явно расстроилась, рассматривая двадцать семь бриллиантов...

В фужер с водкой упала офицерская звездочка, мужчины в штатском, с военной выправкой встали, женщины выпили сидя.

Мило и скромно улыбнувшись, я пригубила шампанское и отставила бокал. Я очень не против выпить, но дома, без свидетелей, сидя в удобном кресле. После полстакана водки меня ноги не держат. Колени начинают работать не синхронно, и я падаю, если, конечно, не держусь за стенку, что тоже не доставляет особой эстетической радости ни мне, ни собутыльникам.

Двоюродный брат Андрей не рвался со мной общаться, но посматривал раз в пять чаще обычного. Интересно, с ним родители инструктаж проводили или он сам такой сообразительный?

Гости устроили танцы и слаженно прыгали на ковре гостиной под маршеподобные газмановские песни. Я скромно сидела около мамы, слушала словоизлияния гостей о сложностях в работе.

Дядя мой служит в милиции, теперь вот уже полковник. Тетя Маша тоже работает в МВД, занимает должность невысокую, но теплую, замещает заведующего аптекарским отделом. Сын в том же ведомстве дослуживается до крупнозвездных погон в аналитическом секторе.

Мне гудеж с застольными песнями и напольными плясками быстро надоел. Я достаточно покрасовалась, посверкала глазами и бриллиантами, удивила знакомых и незнакомых теток, так что пора было сваливать домой.

Мама уезжать не собиралась, ей было интересно со сверстниками. Мне в провожатые назначили Андрея. Я попыталась отказаться, но меня никто не слушал. Смешно. Сегодня меня провожают, а когда мы с мамой ковыляли по лужам или мокрому снегу после очередного показушного семейного юбилея, никому провожание в голову не приходило.

Андрей подержал мне пальто, вызвал лифт, помог сойти с лестницы. В автомобиль я села сама.

На третьем светофоре я сообразила, что еду в сторону старого, а не нового дома.

Припарковавшись перед подъездом, я включила сигнализацию и посмотрела на окна своей квартиры. Мне не понравился оттенок темноты за тюлем. Светловато. Может, я забыла выключить свет в ванной, двери которой обычно не закрывала, а может, мне только кажется?

Открыв подъезд, я осторожно начала подъем по лестнице, подняла голову и... остановилась. На верхней ступеньке, радостно глядя на меня, сидела поскуливающая Стерва с голубеньким бантиком на челке.

Странно, не могла же я оставить Стерву вне жилищного пространства. Или могла?

Бедная моя собака, сколько же часов она здесь провела? Но тоже странно. Такую псинку, как моя Стерва, вряд ли кто оставил бы без внимания. Или сопрут, или пожалеют. Значит, я не заперла квартиру, и собака выбежала мне навстречу?

Как предпоследняя тупица, я подергала дверь и удостоверилась, что она стоит незыблемо запертой. Взяв Стерву на руки, я поправила ей бант и открыла дверь для немедленного своего успокоения... Хрена. Успокоения быть не могло.

Первое, что я увидела, так это содранное ковровое покрытие в коридоре. Напрочь снятый палас сдвинут к вмонтированной мебели прихожей. Та-ак. И что дальше? Дальше было еще хуже. В ванной горел свет. Честное слово, уходя, я его выключала.

Нашарив справа от входной двери выключатель, я им щелкнула... и вот она, первая, но самая достоверная неприятность. Ящики в мебели гостиной были выдвинуты, шкатулка с документами опрокинута. Расстегнутая незнакомая спортивная сумка стояла на полу.

Вспомнилась какая-то молитва, типа «убереги меня от напастей»... Не помогло. Войдя в гостиную, я увидела под окном, на полу, незнакомого парня... Маленький, черноволосый, одет, как старшеклассник. С шеей у него было не все в порядке. Как бы и не было шеи. Кровавое месиво.

И пятно на дорогущем ковре.

Не знаю. Наверное, надо было заорать. Или упасть в обморок. Или заорать, кинуться к телефону и потом упасть в обморок. Наклонившись над парнем, я встретила с ним взглядом. Парень молча моргал.

– Потерпи, сейчас вызову врачей. Ты меня слышишь?

Парень несколько раз моргнул и сделал жест рукой, показывающий, что мне лучше уйти.

Не выпуская из рук собаку, я тихо вышла из квартиры.

Зайдя в темные кусты, я набрала «02» и «03». Милиция и «Скорая» приехали через пять минут. Две машины с мигалками. В подъезд трусцой засеменили люди в форме, в окнах моей квартиры зажегся свет и засверкали вспышки фотоаппарата.

К парню подбежали люди с носилками, и мне стало немного спокойнее. Не знаю, что он делал в моей квартире, скорее всего, залез что-нибудь украсть. Но ведь кто-то решил его остановить – и сделал это с крайней жестокостью.

Глава 5

Кого и за что?

Я стояла в тени полуоблетевшей сирени, сжимала Стерву. Собака слегка дрожала, но молчала. Выждав еще минут пять, я поставила Стерву на землю. Она залилась радостным лаем, наскоро пописала и рванула к огромному милиционеру, задумчиво кутившему у подъезда. У милиционера собака остановилась, и он с удивлением уставился на нее.

– Эт-то что за зверь неуставленной породы?

Я, прихрамывая, вышла из-за куста.

– Это йоркширский терьер. Нравится?

Пожилой милиционер растерянно оглянулся вокруг, считая заигрывания с ним, а также рядом с местом преступления совершенно неуместными. Только моя хромота смирила его с неуставной формой его приветствия.

– Девушка, в этом доме произошел несчастный случай. Вы что-нибудь можете сообщить по этому поводу?

– Могу. Я возвратилась домой. Поднимаясь по лестнице, увидела свою собаку, которую несколько часов назад собственноручно заперла в квартире. В квартире, кстати, была включена сигнализация. На полу гостиной лежал неизвестный мне парень с поврежденным горлом. Пришлось вызвать вас.

Милиционер, разговаривающий со мной в пол-оборота, не надеявшийся услышать ничего вразумительного, развернулся ко мне всем корпусом.

– Давайте, девушка, пройдем в квартиру, там удобнее показания записывать.

Я пожалала плечами, подхватила на руки Стерву и пошла в подъезд.

– Меня Сергей Дмитриевич зовут, – проворчал милиционер мне в спину.

– Очень приятно. Настя, – оглянулась я.

По всей квартире горел свет. Парня переложили на носилки, и врач оказывал ему первую медицинскую помощь. Вокруг сидели на корточках, ходили из комнаты в комнату и просто стояли люди в форме и в штатском. Самым спокойным оказался оператор, он ходил, вцепившись в свою видеокамеру, и что-то бубнил под нос, плавно обходя мебель и криминалистов.

Сергей Дмитриевич крепко взял меня под локоть, подвел к лежащему на носилках парню.

– Знаете его?

Сглотнув подступившую тошноту, я сразу же отвела взгляд.

– Нет. Второй раз вижу.

– Второй? А когда первый? – оживился милиционер.

– Когда в квартиру недавно вошла, я же вам рассказывала. Что у него с горлом? Закройте, а то меня стошнит.

– Пулевое ранение.

В квартиру вошел водитель со «Скорой». Они с врачом взяли за носилки и вынесли раненого парня.

Криминалист продолжал пачкать мою мебель серым порошком.

– Пойдем, Настя, в другую комнату, – оглядевшись, предложил милиционер. – Не будем здесь мешаться.

Пока Сергей Дмитриевич располагался в гостевой спальне, расправляя на столе протокол допроса, я позвонила маме. Тетя Маша долго ее не звала, расточая мне комплименты

по поводу того, как я похорошела. Я не отвечала, ждала, когда же она услышит мое молчание. Не сразу, но все-таки она поняла.

– Что случилось, Настя?

– У меня в квартире раненый незнакомый молодой человек.

Тетя Маша охнула, трубка стукнулась о стол. Было слышно, как выключили музыку и затих гул веселых голосов.

В другой компании я никогда бы не стала говорить о случившемся, не стоит тревожить людей своими проблемами. Но сегодняшние дядины гости были из тех самых органов, которые мне сейчас были жизненно необходимы.

Мама взяла трубку и взволнованно-пьяным языком начала расспрашивать:

– Кто? Где? Почему? Когда ты успела вляпаться?

– Мама, не могу я опять все заново повторять. Ты приезжай, а то мне страшно.

Мама ойкнула. Я не видела, куда она побежала после того, как отдала трубку дяде Илюше, но уверена, что одеваться и спасать меня. Сейчас она не будет экономить денег на общественный транспорт, достанет свои последние деньги или напористо займет у гостей, невзирая на должность и степень опьянения.

Дядя Илья откашлялся в трубку, почмокал губами и почти членораздельно спросил:

– Настя, у тебя какой округ, Северный?

– Нет, я ведь теперь в новой квартире. Северо-Западный.

– Ах да. Тогда совсем хорошо, у нас там Юрка работает. То есть он сейчас здесь. Ты дай нам к трубочке из ребят кого-нибудь, кто поближе.

Я обернулась на Сергея Дмитриевича, который сначала нетерпеливо постукивал ручкой по столу, а потом с пристальным вниманием начал оглядывать стены.

– Вас можно попросить к телефону?

Милиционер скроил лицо пациента перед дантистом, но трубку взял.

– Майор Подвижников у телефона. Слушаю вас. – Лицо милиционера в один момент посуровело. – Поздравляю, Илья Александрович... Понял... Конечно... Понятное дело, всяко бывает... Здравствуйте, Юрий Борисович... А ничего пока не ясно... Постараюсь... Обязательно доложу.

Сергей Дмитриевич осмотрел меня новым взглядом:

– Юрий Борисович кто тебе? Они там в два голоса орали, я не понял.

– Дядин друг. Вместе в академии учились.

Худой интеллигентный мужчина, жене которого я испортила настроение своим бриллиантовым гарнитуром, – это и есть тот самый «Юрка». У него на лице была отпечатана академия. А вот на моем дяде образование практически не отразилось.

Следователь кашлянул в кулак, привлекая к себе внимание.

– А где ты работаешь?

– Завхозом на ЖБК, в заводоуправлении.

Сергей Дмитриевич опять посмотрел на мебель и на стены, прикидывая, чего же такого можно было украсть на заводе, чтобы все это купить. Строительные плиты машинами вывозить, что ли? Я скромно потупила взгляд.

– Эта квартира и все, что в ней, – наследство. У меня пятнадцать дней назад умерла тетя.

– Слышал о тете, слышал. Так, давай садись напротив, начнем записывать все заново. Откуда ты ехала? Куда?

Я села напротив майора, выставив больную ногу вперед и поглаживая собаку. На заполнение протокола ушло всего полчаса. За это время пару раз заходили другие милиционеры, шепотом докладывали Сергею Дмитриевичу о продвижении расследования.

Стерве надоели мои нервные руки. Она вырвалась и носилась по квартире, подняв хвост и твякая на мужчин.

К концу допроса появилась мама с испуганными глазами. В двери она оттолкнула высоченного милиционера, метнулась ко мне, прижала к своей груди мою голову и гладила, гладила. Сергей Дмитриевич отвел глаза. В коридоре заскулила Стерва. Мама, не оборачиваясь, крикнула туда:

– Мужики, осторожнее! Она стоит тысячу евро!

Высокий милиционер в дверях вытянулся и даже поднял одну ногу. Мама оторвалась от меня, поймала Стерву и села рядом с Сергеем Дмитриевичем.

– Майор, что произошло?

Милиционер сморщился от запаха спиртного, пробубнил: «Вам дочь все расскажет», – встал и боком вышел из комнаты, стараясь ничего не задеть.

Мама немного обиделась на невнимание к ее особе, потом взгляд ее сфокусировался на бутылке мартини на журнальном столике.

– Настя, тебе необходимо выпить, снять стресс.

Она быстро встала, взяла два высоких бокала, налила по половине.

– За то, чтобы у нас все было хорошо.

После этого она залпом осушила бокал, со звоном поставила его на стекло столика и сердито посмотрела на меня.

– Ты чего плачешь?

Я шмыгнула носом. До приезда мамы надо было держаться, стараться выглядеть молодцом, а теперь меня развело во все стороны. Я тоже выпила мартини, стуча зубами о край бокала.

– Приехала, а у него вот тут, на шее, кровяшка. Жалко. За что его так?

Мама растерялась. Парня она не видела и переживала только за меня. Какой-то мертвый грабитель... Оно ей надо? Но, представив, что женщина ее возраста сегодня узнает о судьбе сына... мама тоже заплакала.

В комнате опять появился Сергей Дмитриевич, покосился на нас с сочувствием.

– Парня забрали, отпечатки сняли, можете начинать уборку, мы уходим. А тебе, Настя, хочу сказать – дело очень уж странное. Кстати, если б ты приехала на десять минут раньше, то могла бы поучаствовать в разборке.

Тяжелый бокал в моей руке выскользнул из мокрых пальцев и бомбой взорвался, упав на стекло журнального столика. Стекло пошло мелкими трещинами, литровая бутылка мартини и мамин бокал провалились на пол. Бокал треснул, бутылка осталась целая.

Сергей Дмитриевич неодобрительно покачал головой и вышел, громко закрыв за собой входную дверь.

Мама заголосила: «О боже, о боже мой!» – и побежала запирать обе двери на замки. Я, отставив ногу, раскорячкой нагнулась за бутылкой, отвинтила крышку и пила, не отрываясь, пока мартини не закончился. Вспомнился поворот к дому, который я пропустила. Как раз десять минут ушло на разворот.

Поставив бутылку на пол, я посмотрела вокруг пьяным и осмысленным взглядом. Мама, наоборот, смотрела на меня испуганными, но трезвыми глазами.

– Настя, кому мы перешли дорогу?

И у меня, и у нее возникло несколько предположений, в том числе и о квартире, но мы решили сегодня себя не накручивать, подождать завтрашнего дня. Хотелось посоветоваться с отцом, но он был на даче.

Подмели пол, задвинули ящики, стерли серый дактилоскопический налет с мебели. Скатали ковер с кровавым пятном, поставили его в коридоре у стены... и делать стало абсолютно нечего. Мама села в кресло перед телевизором. По десяти программам из двадцати стреляли или готовились стрелять. По остальным шла какая-то полукриминальная муть и жизнерадостные семейные разборки бесконечных сериалов.

Я легла на кровать. Вот только-только повезло, хотя через несчастье, и вот опять неприятности. А мне так хотелось счастья, хотелось влюбиться и чтобы это чувство было взаимным. Хотелось общаться с интересными людьми и быть самой интересной интересным людям...

Рядом со мной похрапывала собака, голубой бант сполз на левый глаз.

Глава 6

А мы без денег

Утром раздалось пять звонков в дверь, затем загромыхали ключи в замке. Я встала, надела халат и похромала в прихожую. В квартиру ввалился Григорий.

– Анастасия! Как я рад, что ты жива. А телефон включать надо, я же беспокоился.

– Ты потише, пожалуйста, кричи, мама спит. А откуда ты узнал... о случившемся?

Григорий снял пальто и кинул его мне на руки. Он начал снимать ботинки, неуклюже держась за стену, и только теперь я увидела, насколько он пьян.

– Киска моя, телевизор смотреть надо. Петровка, 38, сегодня с утра поведала столице и России о происшествии в твоей квартире и просила всех, кто хоть что-нибудь знает, помочь в расследовании. Парень в тяжелом состоянии и не сможет говорить как минимум месяц. У тебя рассол есть?

– Рассола нет. Есть мартини, коньяк, водка двух сортов и текила.

– Точно, я же сам покупал. Настена, как же тебе повезло!

– С телевидением? – Я не понимала пьяного оптимизма Григория, он меня раздражал. – Дядя Илюша, наверное, постарался.

– А кто у нас дядя Илюша?

Григорий выпрямился и зарычал на прибежавшую к нему Стерву. Собака ответила тем же. Я повесила пальто в шкаф и пошла на кухню, Григорий за мной. Он залез в холодильник, погромел открытыми бутылками.

– Так что там с дядей?

– Он полковник милиции. Уже целую неделю. Что-то типа отдела по борьбе с организованной преступностью. Вчера, как это случилось, я сразу ему позвонила. Я же говорила, мы к нему с мамой праздновать ездили.

Григорий наморщил лоб, через секунду широко улыбнулся:

– Не помню. Но это здорово. Текилу будешь?

– По утрам не пью. Григорий, а как же дверь вскрыли? Мне Катя говорила, охранный фирма, ставившая двери и сигнализацию, давала девяносто восемь процентов.

– Давала, но ты себе голову не забивай, пускай милиция разбирается, и если выяснится, что был взлом, сдери с фирмы деньги. Штуку баксов они должны выплатить как минимум.

Я сделала себе кофе и с отвращением смотрела, как Григорий опрокидывает в рот текилу.

– Мама твоя спит еще? Понял. Давай я пока с собакой по старой памяти погуляю. И включи телефон, наверняка знакомые интересуются.

Как только я включила телефон, он переливисто зазвонил.

– Алло, – пришлось откликнуться мне.

– Настя, ты хочешь меня в гроб ввести? Ни квартирный, ни сотовый телефоны не отвечают. – Усталый голос отца сжал мне сердце.

– Папочка, извини, мы думали, ты на даче.

– На даче тоже телевизор есть. Где мать?

– Спит. Перепила вчера.

– Разбуди.

Мама взяла у меня телефон и на автопилоте дошла до кухни. Оправдываясь перед отцом, она понюхала оставшуюся после Григория бутылку текилы на столе, налила себе

граммов двадцать и быстро выпила. Отец продолжал нотацию по телефону, мама сокрушалась и поддакивала, но я видела, что она размышляет над проблемой – пить или не пить.

Я убрала с ее глаз бутылку в холодильник и пошла перепрятывать бриллианты из сумочки в сейф. Сейф у Кати был на треть заставлен коробочками с украшениями, но денег в нем не было ни копейки – ни доллара, ни рублика, ни еврика. Ключ от сейфа я положила в специальную щель ящика тумбочки и отправилась в ванную.

Пока я бултыхалась, мама приготовила завтрак, а вернувшийся с выгула собаки Григорий звонил в охранную фирму договариваться о смене замков.

Во время завтрака позвонила Мила и осторожно спросила, не случилось ли чего у меня? А то у нее на работе одна тетка сказала, что утром по телевизору был сюжет о несостоявшемся ограблении где-то в районе Тушина. Там еще собачку, йоркширского терьера, показывали.

– Мила, позвони позже, часа в четыре, я тебе новый адрес продиктую, вечером у меня поговорим.

Положив трубку, я внезапно вспомнила, что именно сегодня мне надо было выходить на работу, и поскакала в комнату переодеваться. Мама заглянула ко мне.

– Ты чего?

– Мне надо на заводе показаться. Продлю заявление за свой счет. У тебя есть деньги на такси?

– Нет, все вчера истратила. С ума сойти, такое наследство – и ни копейки денег. Григорий! Вы не дадите немного в долг? А то Насте надо до работы доехать!.. И мне на хлеб не помешает.

Григорий вышел в коридор, вытирая салфеткой рот, достал из кармана купюру и молча отдал маме.

– Мы отдадим. – Мама честно смотрела на него.

– Да ладно, это не деньги, – сморщился Григорий. – А вот насчет квартиры надо переговорить подробнее.

Я не стала слушать продолжения – мама легко скушает Григория и без моей помощи.

Как всегда, уборщицы начинали здороваться со мной через всю длину коридора. Электрик Евгений вмялся при моем появлении в стену и старался не дышать, надеясь, что утренний амбре до меня не дойдет. Я никогда не ленилась прочитать ему лекцию о вреде алкоголя на рабочем месте, но сегодня было не до этого.

В заводоуправлении я накатала заявление о еще одной неделе за свой счет и быстро подписала его у замдиректора. Объяснять ничего не надо было, мама уже позвонила и пожаловалась на мое плохое самочувствие.

Выдав уборщицам внеочередную партию порошка и чистящих средств, я попросила слесаря присмотреть за оболдуем электриком, без моей подписи выполнить заявки по электролампочкам и мелкому ремонту в кабинетах и разрешила Евгению оформить вместо болеющей второй месяц уборщицы его жену.

Уборщица со второго этажа начала жаловаться на отсутствие хороших перчаток, но я уже вприпрыжку шла к проходной. Поймала машину и понеслась домой.

Дома мама решала, что первым продать из моей квартиры. Катя оставила приличную сумму на счете, но взять я их смогу только через полгода.

Я ее не слушала, пошла в кухню на запах борща. Через пять минут там появилась и мама.

– Я решила пока в квартире ничего не трогать, – сообщила она. – Еду к отцу на дачу и там что-нибудь присмотрю для продажи.

Я с набитым ртом пожелала ей удачи. Уже одетая, она вернулась от двери.

– А квартиру придется продать, – заявила мама. – Нехорошая она. Не зря, конечно, Гриша за нее такие деньги предлагает, но лучше продать и не мучаться.

Я согласно покивала. Опять зазвонил телефон, и пришлось еду отставить. Звонил Сергей Дмитриевич, назначил мне встречу на завтра, на одиннадцать, в своем кабинете.

Что там мама говорила про квартиру? Нечисто здесь? А может, Катя действительно что-нибудь спрятала, и Григорий об этом знает? На сколько это что-то может потянуть, если Григорию не нужны ни дорогие картины, ни драгоценности?

Что можно спрятать в квартире небольшое по объему? Та-ак. Деньги, наркотики, бриллианты, диски. Что еще?

Стерва пришла на кухню и смотрела на меня с осуждением. Вот так, не успела она заснуть, как без нее кушают.

Я спросила собаку: что же могла здесь спрятать Катя, но Стерва чихнула и твякнула, требуя еды. Я наложила ей в блюдце мяса и смотрела, как она ест кошачьими движениями. Уникальная собака, толку от нее никакого, а стоит бешеные деньги, и люди готовы их отдавать, потому что с ней приятно общаться, смотреть на такую милую мордашку и видеть преданные глаза.

Стерва доела мясо, пукнула и застучала лапой по полу, требуя прогулки.

На улице шел дождь со снегом. Гулять я решила, не выходя из-под козырька подъезда. Стерва в таких случаях очень быстро решала свои проблемы. Лавочка у подъезда была с одного конца сухая, и только я прицелилась на нее, как послышался скулеж моей собаки. Соскочив с приступочки, я в два прыжка зашла за кусты.

Старый перекормленный пудель философски смотрел мутным взглядом на Стерву, а она сидела перед ним и почему-то скулила. Хозяйка пуделя, толстая тетка, мерным голосом выговаривала обоим:

– Как не стыдно, пожилой пенсионер, а такие вещи делаешь.

Запыхавшись, я встала около огромной женщины. Ничего себе плащики носят российские пенсионерки, лайка, между прочим.

– Какие он вещи делает?

– Наскакивает. Ему до встречи с собачьим богом полграмма осталось, а он наскакивает. Испугал бедняжку.

Особенного пыла и страсти в пуделе не наблюдалось. Он все так же сидел перед Стервой, и она смотрела ему в глаза. Гипноз.

Сбоку потянуло табачным дымом. Обернувшись, я увидела вчерашнего красавца. А вот и мой гипноз. Взгляда отрывать от него не хотелось. Нос с горбинкой, волнистые светлые длинные волосы до плеч. Парень плавным жестом, пропуская волосы сквозь пальцы, завел пряди назад. В руке с сигаретой у него болтался собачий поводок... Значит, есть надежда еще раз его увидеть.

Женщина дернула меня за рукав.

– ... Не говорят, кто?

– Кто?

– Ну грабитель твой.

– Не говорят. Документов при нем не было.

– Не страшно тебе спать-то в квартире после Кати? Душа, она сорок дней на земле еще кружит.

– Пока не страшно. Я скоро съеду.

– Куда? – Женщина с тревогой посмотрела на меня. Самые любопытные пенсионерки в мире – это российские пенсионерки.

– Пока не знаю, куда. Обменяюсь.

Мне разговор был неинтересен, мне интереснее было смотреть левее. Парень широким жестом бросил сигарету в кусты и пошел прочь. Я готова была идти следом. И уже сделала шаг... но тут Стерва очнулась и ломанулась к подъезду. Крикнув тетке: «До свидания», – я поскакала за собакой.

Стерва отряхнулась и, пока я снимала сапоги, убежала прятаться. Она ненавидела мыть лапы. Я не спеша надела тапочки и пошлепала ее отлавливать. Стерва спряталась за пальму в гостиной и даже зарычала на меня.

– Иди сюда, Стерва.

Собака обнажила мелкие зубы и сделала рывок в сторону. Я тоже сделала рывок, Стерва наткнулась на мою руку, оттолкнулась от нее, подпрыгнула и сбила полуметровое плоское керамическое кашпо на стене. Кашпо разломалось на куски. На моей руке остались три кровавые царапины. Стерва забилась под тумбочку, а я развернулась и пошла за веником.

Ничего себе я взялась за наследство. Вчера столик стеклянный грохнула, сегодня кашпо ручной работы расколотила – так, глядишь, вернусь в прежнее полунищенское состояние.

Тщательно собрав крупные куски керамики и комья земли, я достала пылесос. Пострадавший плющ необходимо было пересаживать. Например, к пальме.

Потянув за ветку, я размотала длинное растение и увидела в его корнях плоский полиэтиленовый пакет. Полиэтилен был очень плотный и почти непрозрачный – но евро, они и в Африке евро.

Глава 7

Цветочные евро

Пакет я распотрошила на кухне зазубренным ножом и от волнения даже не порезалась. Пачка была в банковской упаковке. Значит, здесь десять тысяч евро. Миленький цветочек рос у тети на стене.

Я передумала пересаживать плющ. Наоборот, застелила пол газетами, подтащила к пальме два пустых пакета и переложила в них землю из керамической кадки. Землю пришлось копать мельхиоровой лопаткой для торта. В кадке ничего лишнего, в смысле денег, не оказалось. Обидно. Пришлось вернуть землю на место и туда же вкопать плющ.

Та-ак. Что мы теперь имеем? Мы имеем возможность найти в цветах или в иных предметах обстановки пачки полноценных европейских денег. Может, из-за этого Григорий так хочет меня отсюда выселить?.. Но ведь все вещи мне отдавались не глядя. И кашпо это тоже. Нелогично. Так что же, у Кати стены из золота, что ли? Я подошла к стене и подцепила уголок. Под бумагой серел бетон, я постучала по нему, прислушалась. Стена типовая. Уж в этом я понимаю.

Пройдясь по квартире, я насчитала четверку больших цветов и десять маленьких. Мелкими были кактусы, не считая метрового в объеме монстра, который стоял возле компьютера в гостиной. Его я проверила вторым.

Ура! В нем тоже был запаянный четырехугольник, но с купюрами по пятьдесят евро. Радость моя была в два раза меньше, но, рассудив здраво, я решила представить самой себе, что первым бы разбила горшок с кактусом, тогда кашпо с плющом доставило бы мне радости в два раза больше. И я порадовалась за себя еще раз, уже полноценно, на общую сумму в пятнадцать тысяч.

На мои археологическо-цветочные раскопки ушел целый час. Стерва смотрела за моими действиями с неослабевающим интересом, все время пыталась помочь копать и теперь походила не на элитную йоркширку, а на половую щетку после генеральной уборки в городском подземном переходе.

Позвонил папа и взволнованным голосом доложил о неприбытии моих многоуважаемых родителей сегодня в стольный град Москву по причине их с мамой совместного желания произвести опись ценных предметов на унаследованной папой даче. Мне рекомендовалось, дабы не было страшно, пригласить к себе ночевать Милу или любого другого человека, приемлемого для достойного проведения вечернего досуга.

Вот такая речуга. Она означала, что папа немного выпил, мама жарит картошку на свиных шкварках, а в холодильнике охлаждается водка. Я заверила папу, что всенепременно прислушаюсь к его рекомендациям и нагоню полный дом гостей, а также пожелала им с мамой хорошо провести вечер и помириться. Папа проямлил благодарственные слова.

Мне кажется, что после разъезда с сестрой, когда Катя перестала ежедневно напоминать отцу об измене мамы, он стал чаще у нас бывать. А после смерти Кати, которая, кроме меня, была единственным знающим о мамином загуле человеком, папе стало некого стыдиться, и он опять потянулся к маме.

Они прожили вместе почти двадцать лет и не надоели друг другу. Мне не надо было об этом рассказывать, достаточно было видеть их по утрам, когда мама потягивалась, одной рукой нащупывала пульт телевизора, а другой тормозила сонного папу, у которого на щеке были видны розовые полосы наполовину от подушки, а наполовину от маминой ночнушки, в которую папа утыкался во сне.

Наверное, к возрасту «ягодки» моей маме захотелось африканских страстей и дополнительных материальных субсидий, но для любовницы она была слишком властной.

Мне она не каялась в своих ошибках, не рыдала на плече и у отца прощения не просила. Но иногда, ковыляя ночью в туалет через ее комнату, я слышала, как она плакала. Она не ревела в подушку, она лежала на спине, лицом к потолку, сдерживала вздохи и вытирала слезы со щек.

Господи, да о чем я думаю! Родители разберутся в своих отношениях в любом случае, а я сегодня нашла клад!

Не знаю, как реагируют на найденные пятнадцать тысяч миллионеры, я миллионеров мало встречала, практически ни одного, но моя радость перешла в другое качество. В раздумье. Куда денежки потратить? В принципе это не проблема, тут моя мама справится за день, но мне тоже хотелось бы поучаствовать в этом нелегком деле.

Надо настроиться и понять – чего же мне хочется больше всего? Квартира, машина, дача и тряпки, о которых я мечтала, теперь у меня есть. Чего у меня нет?.. Любимого человека. То есть для «перепиха» может подойти и Леонид, который периодически приходил в гости. Но как любимый человек он восприниматься не может, он много выпивает за вечер и в постели думает только о себе.

Чего же я хочу еще? Чтобы родители опять поженились! Но этого за деньги не сделаешь. А что можно за деньги? Операцию. Операцию, пятую по счету, на мое многострадальное колено. А на сколько она потянет? Тысяч на двадцать. Что из этого следует? А то, что пора браться за остальные цветочные горшки. Если там есть пачки хотя бы по пять и одному евро, то и это неплохо.

Я вспомнила вчерашнего раненого парня. Скорее всего, его личность уже установили... Думать о нем было тяжело.

Взяв жостовский поднос, я пошла в спальню за цветочными горшками.

Естественно, что телефон зазвонил именно тогда, когда я шла обратно с тяжелым подносом, стараясь не упасть. Звонила Мила. Она, понизив голос, начала рассказывать о пользе регулярной половой жизни для женщины. Я с ней согласилась коротким «Ну?», и Мила попросилась сегодня в гости вместе со своим воздыханным Шурочкой.

Для набивания себе цены я выдержала ее монолог о ценности человеческого общения еще минуту и согласилась принять сегодня в новой квартире не только Милу, но и Шуру. Мила замялась на секунду.

– А Леонид?

– Что Леонид?

– Шурка без него может отказаться.

– Ну и черт с ним, посидим вдвоем. Мне тебе надо многое рассказать.

– Настя! В отличие от тебя я не фригидная эгоистка. Я с Шурой трахаться хочу!

Мила заорала в полный голос, и я представила реакцию окружающих ее дам в консервативной редакции технического издательства.

Мне стало жалко Милу. Она не могла привезти Шуру к себе домой. Там, как и у нас, тоже были две проходные комнаты, активнейшая Милкина мать и еще пятилетний сын Милы, Вовочка.

– Ладно, часам к семи подгребай со всей своей компанией. Можете ничего не покупать, сама сделаю стол – как новоселье и как поминки по моей любимой Кате.

– Спасибо, Настюша! Мы будем ровно в семь. Целую!

Пока я не поступила, с подачи Кати, в институт, я думала, что самая настойчивая и громкоголосая женщина в России – это моя мамочка. Но после посещения квартиры Милы поняла, как ошибалась.

При обсуждении качества купленного сегодня мяса Милина мама, не особо напрягаясь, перекрыла звук собственного работающего пылесоса и соседской дрели.

Мила тоже не особо сдерживалась при изложении своих мыслей. Иногда ей удавалось говорить тихо, происходило это на экзаменах, когда она не знала материала. Если, не дай бог, в этот день она случайно подготовилась к вопросам, бедным преподавателям головная боль была обеспечена минимум на сутки.

Она говорила уверенно, рубила рукой воздух и потряхивала головой с пушистыми волосами. Перебивающих вопросов преподавателя она просто не слышала и излагала выученный, а иногда даже и понятый, материал до конца. Не справляясь со звуковым напором, гудели оконные стекла и дрожали входные двери.

Однорूपникам не приходилось переспрашивать, на какой вопрос ей пришлось отвечать – не услышать ее ответ могли только прохожие на другой стороне улицы. Остановить Милу можно было, только придвинув к ней зачетку с вожденной четверкой. При тройке Мила впадала в праведный гнев и тихо орала, чтобы ей задали дополнительный вопрос. Опытные преподаватели при ее ответе выходили в коридор покурить.

При таких качествах в ней должно было быть не меньше центнера веса, как в мамочке, но Мила весила от силы пятьдесят килограммов, в чем я ей искренне завидовала.

Я перенесла в ванную остальные цветочные горшки и выстроила их на дне треугольной джакузи. Цветы стояли зеленым теплым оазисом на газетном островке внутри бледно-салатовой ванны.

Это была самая необычная азартная игра, почище любой рулетки. Я конвейерным способом опрокидывала землю из горшков, в горку земли запускала пальцы и разминала комки почвы, стараясь нащупать инородный предмет.

В корнях третьего растения, «рогатого» кактуса, была еще одна пачка по пятьдесят евро. Я наспех вскрыла пачку, убедилась, что банковская упаковка не повреждена, а значит, здесь сто купюр, отложила деньги на стиральную машину и осторожно принялась за следующие горшки. Но они оказались пустыми.

В чувство меня привел звон настенных часов. Блин, половина седьмого! Я метнулась в ванную и быстро утрамбовала землю и цветы обратно по горшкам.

Расставив цветы по старым местам, я тщательно вымыла ванну, подкрасилась, надела серебристые брюки, а сверху китайский голубой шелковый халат с вышитыми на спине тростниками и хижинами с загнутыми крышами. Скрепила его на груди огромной серебряной брошью. Грудь полукружьями вываливались из тесного халата. Вот я какая была! О-го-го!

Глава 8

Вечерний тусняк

Мила и ребята приехали в половине восьмого. Шура протянул мне тортик размером с детский кубик. Леонид держал в руке что-то вроде цветка. В пластмассовый цветочный стакан был втиснут огрызок традесканции. Такими «подарками» по десять рублей штука торгуют старушки у метро.

Пока я рассматривала цветок, мои гости замерли на пороге, и рты их открылись до неприличия. Стоять в шелке при открытой входной двери было холодно, и я втащила гостей в прихожую.

– Настька, обалдеть, как выглядишь! – Мила это сказала вполголоса, но спящая в кресле Стерва вздрогнула и с испугу тявкнула на вошедших.

– Ой, какая красотища!

На ходу скинув куртку, Мила стала ловить Стерву, но та привыкла к тишине в доме и сбежала в спальню.

Шура и Леонид, непривычно пришибленные, чинно разделись и, почему-то поклонившись мне, вошли в гостиную.

Расставить по местам цветы я успела, а вот накрыть стол – нет.

– Мила, у меня два важных дела случайно образовались, со столом пока не получилось, – сообщила я. – Но я предлагаю такой вариант. Вы разбираетесь с гарниром и сервировкой, а я быстро иду в магазин, он в соседнем доме.

Шура и Леонид синхронно и согласно закивали, Мила с незакрывшимся ртом разглядывала обстановку.

– Твою мать, Настька! Зашибись, какая квартира.

Это Мила сказала очень тихо, а мне на секунду показалось, что в ее голосе появилась обида, а в глазах – и черная искра зависти.

– Да, Милочка, квартира хорошая, но придется менять, – устало вздохнула я. – У меня трудности, все не так радужно, как выглядит: вон, видишь, кровь до сих пор не могу до конца оттереть. Но давай об этом потом.

Мила, повеселевшая при слове «трудности», поцеловала меня в щеку.

– Ладно, беги, Настюша, беги, а то мужики обидятся, мы же после работы, голодные. У метро от сосисок в тесте отказались, берегли животы для застолья.

Я надела плащ на халат. В сбербанке поменяла сто евро и впервые прошла по супермаркету, ни в чем себе не отказывая. Конечно, я не стала покупать икру и французское шампанское, но нарезанную колбасу двух сортов, французский сыр и киевских котлет прикупила. Еще набрала пива на опохмелъе, пяток различных соусов, конфет и фруктов.

Из прихожей я сразу, не раздеваясь, прошла в гостиную. Как я и ожидала, Мила приготовила картофельное пюре и нарезала овощей для салата, а два приятеля сидели за столом, смотрели телевизор и активно потребляли мартини с водкой. Поставив тяжелые пакеты у ног ребят, я постучала вилкой по хрустальному бокалу.

– Господа! Приказываю строем и рысью направиться на кухню и приготовить закуски. О спиртном, пока мы все не сядем за стол, забыть. Приказ понят?

Шура среагировал первым, вскочил и вытянулся во фрунт:

– Есть, таарощ енерал.

Леонид тоже выбрался из-за стола, но не так молодежато. Подхватив пакеты, ребята промаршировали на кухню.

Мила, удивленная моим громким голосом (я повышаю голос крайне редко), проводила ошарашенным взглядом марширующих Леонида и Шуру. Мила потянулась идти за ними, но я зашипела: «Они сами», – и поманила ее за собой.

Стерва, вышедшая из спальни, неспешно направилась в сторону кухни. Новые люди в квартире, по ее личным наблюдениям, на первых порах заигрывали с ней. Наивная собака! Давно замечено, что мужчины отдают вкусные куски домашним животным только в присутствии женщин.

Мы прошли через большую комнату, и я открыла дверь лоджии. Мила начала и здесь охать от восхищения, рассматривая стены, отделанные резным деревом, но я ее охолонила:

– Мы здесь не за этим.

Я подняла в углу лоджии крышку в полу и кивнула в открывшийся прямоугольник с автоматически зажегшейся подсветкой:

– Лезь, там подпол. Выбери огурчики, варенье и еще что-нибудь. Не хочу туда ребят посылать, там стоят две бочки с вином.

Мила радостно ойкнула и быстро исчезла в погребе. Через несколько минут, в которые я прослушала громкие вскрики восхищения из-под земли, на полу лоджии стояли нужные банки.

– Да, с таким погребом, – Мила легко вылезла из подпола, – можно запросто пережить пару-тройку экономических кризисов.

Я гордо согласилась, и мы пошли к ребятам на кухню.

Два увальня разложили закуску по тарелкам с неожиданным изяществом, не забыв украсить зеленью и подровнять неровно лежащий хлеб, нарезанный Милой. Заодно они заправили майонезом салат и соорудили сверху его мухомор из помидора.

Первый тост выпили, не чокаясь, за Катю. Мила знала ее хорошо, Леонид видел пару раз, Шурик слушал наши воспоминания с открытым ртом.

Через полчаса вино и водка взяли свое, и мы свернули на привычную программу. Пили за новую квартиру, друг за друга, за взаимопонимание и так далее. За месяц, что мы не виделись, накопилось много новостей.

Мила подыскала себе новую работу, но место освободится только к концу следующего месяца. Шурик похвалился повышением в должности. Леонид встрял с рассказом о случае на работе, когда один мужик сдуру купил билет «Русского лото» и выиграл почти штуку баксов.

Я, как и все, сделала удивленно-завистливое лицо. Найденные сегодня деньги лежали в сейфе Кати и оттуда грели мне душу.

Все стали вспоминать случаи крупных и мелких выигрышей, находки кошельков на улице или золотых украшений в общественных туалетах. Я слушала с интересом. Меня раздирало желание похвалиться, но я девушка начитанная, я знаю, что после первого шока радости последует огромная, искренняя Черная Зависть.

Постепенно мы перешли на более страшные случаи. Выключили верхний свет и зажгли свечи. Заговорили о вещих снах, о привидениях и убийствах. Мила с расширенными от любопытства и водки глазами спросила, не посещает ли меня Катя. Я замахала руками, сплевывая через левое плечо. Но не выдержала, заплакала.

– А вчера в это самое время вон там, у окна, лежал раненый парень, – сквозь слезы проговорила я. – Лет двадцати. Кровищи было... Жалко его. И меня.

Шура и Леонид замерли с рюмками в руках, Мила хлопнула ладонью по столу:

– Мужики, я же ей и позвонила с утра, как только услышала об этом.

Начались расспросы и комментирование случившегося.

Я рассказывала о вечере у дяди, о милиции, о «Скорой». А перед глазами был молодой парень с простреленной шеей и пятно на розовом ковре. Мне стало совсем плохо, и я разревелась в голос. Мила пересела ближе и утешала, размазывая слезы по моему лицу.

Шура с серьезным лицом изрек соломоновское «все проходит, и это пройдет» и предложил выпить. Мы молча выпили. Я оглянулась. Квартира показалась чужой. Надо продавать и не сомневаться.

Ночью Леонид не всегда забывал обо мне и даже не очень потел. Мы спали с ним в гостиной, на диване у стола, не задувая свеч. Мила и Шура проверяли на прочность кровать в другой комнате.

Стерва, из любопытства забравшаяся в комнату гостей, оттуда не уходила и подвывала при самых страстных вскриках Милы. Я при этом чуть не падала с дивана от хохота, Леонид просил меня не отвлекаться.

Глава 9

Познакомилась

На следующее утро болела голова, пахло сгоревшими свечами и скулила Стерва. Я совершенно забыла, что собаку надо выгулять. Стерва села перед диваном и смотрела мне в глаза.

Пришлось вставать. Леонид спал или делал вид. Одежда с него наполовину слезла, талия мягко переходила в живот, лежащий дополнительным полушаром на простыне. Мне кажется, что у женщин это выглядит эстетичнее.

Стерва, настойчиво взвизгнув, напомнила о себе. Я с полужакрытыми глазами натянула джинсы, носки, два теплых свитера и свою старую куртку. Получился толстый пузик на негнущейся ножке.

Погода на улице была что называется «займи, но выпей». Небо серое, дождь со снегом. Черные ветки деревьев, золотые листья поникли.

Стерва бодро сбежала с лестницы и потрусила к деревьям под окнами.

Холодный ветер метнул в лицо горсть мокрого снега, глаза на секунду закрылись. Сзади хлопнула подъездная дверь, и меня толкнула пронесшаяся мимо машина. Я упала.

Пролетевшее мимо существо вернулось, уселось на асфальте напротив меня и с интересом смотрело на мои попытки подняться.

Это была огромная темно-серая собака, мастиф. Ухоженная такая собачка, на фоне которой я выглядела бомжихой в гололед.

Пока я, согнувшись каракатицей с отставленной негнущейся ногой, пыталась встать, рука в тонкой перчатке поддержала меня под локоть. Я скосила глаза на помощника... и мне стало совсем стыдно. Передо мной стоял тот самый красавец.

Молодой человек не поздоровался и сочувственно не улыбался. По взгляду было понятно, что его больше заботит, не поранилась ли и не запачкалась ли его псина при столкновении с ненужным предметом, то есть со мной.

А я буквально карабкалась по парню для принятия вертикального положения. Он удовлетворился результатом моего выпрямления, отряхнул свои перчатки и, не оборачиваясь, вприпрыжку сбежал со ступенек. Грациозно, легко.

Из кустов ему под ноги выбежала Стерва. Парень постеснялся на нее наступить при свидетеле, споткнулся и упал. И этот недобитый собачник смотрел с осуждением не на Стерву, а на меня.

Стерва протягивала о своем отношении к падающим на нее людям и начала забираться по ступенькам. Сделав несколько шагов, я подхватила собаку. Парень уже поднялся и смотрел на мои ноги.

– Давно из гипса? – спросил он после долгого молчания.

– Уже двадцать два года.

– Подожди. Так тебя действительно моя собака сбила?

– У меня нет привычки кидаться под собак, особенно в семь часов утра. – С этими словами я развернулась и, стараясь все-таки согнуть чертову ногу, пошла к дверям подъезда. Парень в два прыжка оказался передо мной.

– Подожди. Ты это... извини за собаку. Хочешь, прогуляемся, поговорим?

– Мне холодно, и нет настроения разговаривать, – честно призналась я. – До свидания.

Действительно, настроения не было. Я не мазохистка. Стоять перед мужчиной своей мечты в мокрой старой куртке, хромоногой, невыспавшейся и с похмелья – мне, мягко говоря, удовольствия не доставляло.

– Пока, – растерянно ответил парень.

Он удивился. Понятное дело, ему нечасто отказывают.

В квартире все спали. Я откупорила темное пиво и толкнула Леонида в бок.

– Ты на работу сегодня поедешь?

– Через полчаса встану.

Приготовив на скорую руку завтрак, я с удовольствием вытолкала мужчин из квартиры.

На сегодня из серьезных дел необходимо было заехать к Сергею Дмитриевичу, поговорить об убийстве и узнать о примерной сумме за операцию на колене.

В одиннадцать я чувствовала себя вполне сносно. А вот Сергей Дмитриевич, хоть и смотрелся в своем кабинете весьма солидно, явно вчера не кефир на ночь пил.

Майор положил на протокол допроса несколько фотографий.

– Узнаешь?

На одной фотографии за праздничным столом сидела компания, старательно смотревшая в объектив. На другой фотке сильно накрашенная девушка с сигаретой в руках, оседлав лежащего на полу парня, делала вид, что ей весело. Парень, изогнувшись, пялился со счастливой улыбкой на фотографа.

– Это что, он? – спросила я, узнав позавчерашнего пострадавшего.

Сергей Дмитриевич посмотрел на меня поверх очков.

– Он. Игорь Евгеньевич Пирожкин. Компания на этой фотографии – его близкие друзья, сформировавшаяся банда, так сказать. Они угоняли машины, подсылая своих девушек. Схема самая простая, без затей. Вечером подвыпившая веселая девушка ехала с мужчиной в темное, лесистое место или в глухой двор. Там предлагала за проезд расплатиться натурой. Во время подготовки процесса к машине подходили ребята, фотографировали сцену и выкидывали владельца из автомобиля. Если пострадавший слишком рьяно начинал искать угнанную машину, ему домой высылался самый откровенный снимок... В начале года все, кроме Игоря, сели. Его случайно не было при милицейской операции с подсадной уткой.

Следователь говорил устало, иногда снимал очки и сильно тер глаза. Мне стало его жалко.

– Сергей Дмитриевич, у меня пиво есть. Хотите?

– Не положено. – Он зевнул, прикрыв рот рукой. – Давай, но дяде не проболтайся.

Я достала из сумки две бутылки, открыла обе и одну протянула следователю.

– А что он в квартире делал? – спросила я тут же. – Что в той сумке, которую вы из квартиры взяли?

– Документы и диски. Документы – вот они. На квартиру, на машину, на фирму. Мы копии сняли. А диски пока придержим. – Следователь подвинул ко мне по столу прозрачную папку с бумагами. – Под заказ парень что-то искал.

Мы допили пиво, Сергей Дмитриевич закурил, но, увидев, как я сморщилась, затушил сигарету.

– Вчера ничего особенного не случилось? Криминального? – спросил он.

– Нет, – честно призналась я. – Мама с папой помирились.

– Ладно, Настя, иди. Будет что нового – звони, телефон знаешь.

Я поставила пустые бутылки в пакет, проговорила дежурное «спасибо» и с удовольствием вышла из казенного учреждения с пустыми коридорами.

Домой я поехала на такси, могла себе позволить.

Дома папа, со Стервой на руках, дремал перед телевизором, Мила и мама возились на кухне.

Настроение резко пошло вверх, и очень захотелось погулять с собакой. Я не врала себе, мне хотелось «случайно» показаться тому парню с мастифом не в утреннем затрапезном виде, а подготовленной.

Мама и Мила слаженно мыли посуду, обсуждали тему цен на продукты, одежду и предметы быта. Слушать их не было сил.

Зубы были почищены два раза, косметика подправлена. Лицо смотрело из зеркала почти осмысленно, глаза не косили, руки не дрожали. Новые спортивные ботинки, горнолыжная куртка. Я готова.

Тихо сняв с папиных колен Стерву, я вышла на улицу. Сделала два круга вокруг дома. Интересующий меня объект отсутствовал. А жаль. Погода к середине дня разгулялась, солнце припекало, высушивая асфальт и золотящиеся листья. Я уже полчаса маячила перед окнами дома.

Днем любителей прогулок на поводке было мало, около нашего дома – ни одного. Я решила не расстраиваться и вернуться в лоно семьи.

У подъезда, глядя в лужу у себя под ногами, сидел на лавочке и курил утренний парень. Его огромной собаки рядом не наблюдалось, и парень не отвлекался ни на что, сосредоточился на своем отражении в дождевой воде. Но я знала, как привлечь к себе внимание, и обернулась к собаке:

– Стерва, иди сюда, милая. Стерва, перестань есть всякую гадость.

Не пришлось даже голоса повышать. Парень смотрел на меня и Стерву озадаченно.

– Слушай, ты сама ее так назвать догадалась или кто посоветовал?

– Ее назвала тетя. А как вашего борова зовут?

– Зорька.

Я махнула рукой, не веря. В кустах появилась огромная морда мастифа и уставилась на нас со Стервой плотоядным взглядом. Парень поцокал языком, и стокилограммовая махина, осторожно обойдя нас, уселась рядом с лавочкой, восторженно глядя на хозяина.

Я примерно так же была готова смотреть на парня, но сдерживалась.

Говорят, что для того, чтобы пожениться, люди должны подольше и получше узнать друг друга, проверить чувства. Может быть. Для женитьбы. Для того чтобы захотеть мужчину – сильно, до головокружения и дрожи в животе, – достаточно пары минут. Во всяком случае, так произошло сейчас у меня.

– А как вас зовут? – не удержалась я.

– Алексеем. А тебя как?

– Анастасия.

– Насть, ты вечером во сколько гулять выходишь?

– Вечером?

Что ему ответить? Что мне и сейчас уходить не хочется? Что я готова стоять перед ним до завтрашнего утра, только бы видеть его и слышать?

– Вечером как получится, но сегодня, ради вас, могу выйти ровно в восемь. Устраивает?

– Устраивает. Но лучше в девять.

Тем временем Стерва нагло обнюхивала огромную псину, не смеющую перекусить ее в одно сжатие челюсти в присутствии хозяина.

Я подхватила свою собачонку и прошла мимо Алексея, изо всех сил стараясь не показать, насколько мне бы сейчас хотелось вместо Зорьки сидеть у его ног, а потом дожидаться приглашения в квартиру и там наблюдать за его жизнью. Может, он иногда бы меня гладил...

Глава 10

Еще одно знакомство

Дома я отдала маме на руки Стерву для мытья грязных лап, пока собака не забилась под тумбочку.

На кухне было чисто, посуда стояла на своих местах, строй пустых бутылок из угла исчез. Мила разговаривала по телефону, прикрыв трубку рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.